

защитников интересов России на международной арене. По мере введения в научный оборот новых источников мы будем узнавать об этих людях и их делах все больше и больше.

Очень полезен как исследователям, так и читателям, интересующимся историей, будет иллюстративный материал книги: портреты монархов и дипломатов, карта Мадрида с указанием адресов резиденций российских послов и посланников и фотографии зданий этих резиденций в исторической ретроспективе. Следует приветствовать также выход этой книги на двух языках — русском и испанском.

Завершая исследование, авторы отмечают, что «неоценимым вкладом в развитие конструктивного диалога между нашими странами стала деятельность всех российских послов, которые представляли нашу страну в Мадриде за три с половиной столетия» (с. 304). А «история дипломатических контактов между Испанией и Россией — это опыт преодоления взаимных предубеждений, поиск

путей друг к другу, основанный на постепенном осознании важности сотрудничества. Не всегда отношения между двумя странами... были близкими и активными. Тем не менее сохраняется политическая благожелательность, которая крайне важна для поддержания стабильности в Европе» (с. 304). И с этим нельзя не согласиться.

Рецензируемая книга, безусловно, будет способствовать лучшему познанию и пониманию друг друга испанцами и россиянами. С нетерпением будем ждать выхода книги об испанских дипломатах в России.

А.А. Петрова,

кандидат исторических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета (СПГУ),

А.В. Смолин,
доктор исторических наук,
профессор СПГУ

Д.Ю. Бовыкин. КОРОЛЬ БЕЗ КОРОЛЕВСТВА. ЛЮДОВИК XVIII И ФРАНЦУЗСКИЕ РОЯЛИСТЫ В 1794–1799 гг. М.: РОССИЙСКАЯ политическая энциклопедия, 2016, 719 с.

Исследований Великой французской революции посвящено великое множество, в том числе и в отечественной историографии. Но, как показывает книга д.и.н. Д.Ю. Бовыкина в ее истории до сих пор сохраняются обширные «белые пятна», заслуживающие самого внимательного изучения.

Хронологические рамки работы Д.Ю. Бовыкина охватывают практически половину революционного десятилетия. Причем именно ту половину, которую советская историография долгое время вообще не считала составной частью революции. Конечно, название книги может вызвать вопрос, а имеет ли она отношение именно к истории *революции*? Я бы ответил утвердительно, если считать, что революция и контрреволюция — две стороны одной медали. И если аверс политической борьбы во Франции времен революции исследовали самым тщательным образом, то реверс почти неизвестен.

С этой точки зрения Д.Ю. Бовыкин уже только своим выбором проблематики претендует на новаторский характер исследования. С самого начала автору приходится выходить на непростые проблемы методологического характера, вокруг которых в мировой историографии было высказано много самых

противоречивых мнений. Д.Ю. Бовыкин начинает с понятийного аппарата, с семантики понятий «роялизм», «роялисты», «конституционные монархисты» и др. Но возникает вопрос, синонимичны ли эти понятия слову «контрреволюционер»? И что вообще означало в годы республиканской Директории «быть революционером»? Д.Ю. Бовыкин пишет: «Кто такие революционеры, более или менее понятно». Но при этом автор, судя по приводимому им перечню критериев революционера, имеет в виду революционеров 1789–1794 гг. Поэтому ответ на вопрос, кто такие «революционеры 1795–1799 гг.», решается методом от противного, через попытку определить, кто такие *контрреволюционеры* (с. 13–15)?

Ответ лежит в антитезе понятий «антиреволюция» (неосознанный стихийный протест против всех бед, порожденных революцией) и «контрреволюция» (протест, «проявлявшийся осознанно, характерный для образованных слоев общества, обладавший идейной программой, противостоявший революции в институциональном и идеологическом плане»). Эти формы протеста могут быть далеки друг от друга или, наоборот, близки. Но «роялизм» (в отличие от «монархизма») всегда будет «контрреволюционером».

Обращаясь к истории роялизма, Д.Ю. Бовыкин задался задачей изучить не столько абстрактные теории, «политические проекты» или «контрреволюционные доктрины», сколько повседневную деятельность роялистов, что, конечно, не исключает, анализа эволюции их воззрений. Поэтому книга и начинается с выявления взглядов графа Прованского до его восхождения на французский престол и определения того образа принца, который сложился в его ближайшем окружении и общественном мнении Франции накануне и в ходе революции. Автор констатирует, что на момент падения якобинской диктатуры в роялистском движении еще не было однозначного лидера: Людовик XVII оказался заложником и у нового правительства. А что касается репутации графа Прованского, то его упрекали в надменности, скрытности, амбициозности... Но многим ли из политиков не могут за это попенять? Источники позволяют констатировать существование у «общественности» мнения о соперничестве братьев. Но далее автор сам признает: «Реальных свидетельств такого соперничества сохранилось немного, и их все чрезвычайно сложно проверить» (с. 64). Замечу, что для образа «Другого» не столь уж и важно, насколько этот образ соответствует реальности. Важно, что этот образ «работает»: он определяет наше отношение к этому самому «Другому». В этой связи автор справедливо отметил: «Не вызывает сомнений, что, несмотря на все старания Людовика XVIII, “черная легенда” тяготела над ним и заставляла с собой считаться» (с. 88). Но возникает и другой вопрос: что это такое за «общественное мнение», в чьих глазах «неуклюжий и прямолинейный» Людовик XVI был предпочтительнее графа Прованского?

Что касается эволюции политических воззрений Людовика XVIII, Д.Ю. Бовыкин опровергает сложившуюся в историографии точку зрения на графа Прованского как на политический флюгер, который из консерватора-традиционалиста к началу революции превратился в либерала, а затем опять стал консерватором. Как показывает автор, когда речь идет не о личных отношениях, а о политике, граф Прованский забывает о соперничестве с братом (если оно вообще имело место). Д.Ю. Бовыкин констатирует: «Как накануне, так и в первые годы революции Людовик-Станислас постоянно поддерживает брата и во всеуслышание заявляет об этом (с. 82, 89, 104).

Дав характеристику образа графа Прованского, Д.Ю. Бовыкин приступает к рассмотрению шансов роялистов на победу в 1795 г. Это уже анализ политической ситуации, а не

политических взглядов роялистов. В отечественной историографии, ругая термидорианцев, а затем и Директорию, охотно (хотя и невнятно) писали о «роялистской угрозе». Естественно, что степень этой угрозы оценивалась историками по-разному, как по-разному оценивалась она и современниками. Преобладало же в историографии мнение о невозможности прихода роялистов к власти в 1795 г. Нас пытались убедить, что роялисты не представляли собой реальной силы, что французы быстро преодолели монархические иллюзии и превратились в убежденных республиканцев. Фактически дело представлялось так, что революционеры в годы Термидора и Директории боролись с жалкой кучкой ретроградов-заговорщиков. Но почему тогда так долго боролись, зачем тогда столько усилий и столько шума? Можно было бы предположить, что роялистская угроза существовала не столько в реальности, сколько в головах узкого круга политиков и нуворишей, что это была «шумовая завеса», средство манипулирования массовым сознанием, удержания у власти и т.д. Но тогда придется признать, что марксистская историография в этом отношении оказалась более последовательна, заканчивая революцию 1794 г. и снимая тем самым вопрос о «революционерах 1795–1799 годов». Проблему же с существованием контрреволюционеров решали еще проще: народ «быстро преодолел монархические иллюзии».

Д.Ю. Бовыкин, корректируя существующие представления о невозможности прихода роялистов к власти, доказывает, что роялисты в 1795–1799 гг. были вполне реальной силой и угрозой для революционного правительства: «активизация роялистов в ту пору — отнюдь не иллюзия и не обман зрения», «растущие роялистские настроения создавали предпосылки для восстановления монархии, в этом не сомневались и современники» (с. 126).

Но вопрос состоит также в том, почему роялисты получили шанс путем победы на выборах вернуть монархию? Мы имеем дело с закономерностями массовой психологии, со стечением ряда разнохарактерных обстоятельств или с результатами пропагандистских усилий конкретных людей? Особенность авторской позиции Д.Ю. Бовыкина в этом вопросе, на мой взгляд, заключается в том, что, называя вещи своими именами, автор настаивает на существовании объективных предпосылок для реставрации монархии в 1795 г., и многие так и думали.

Автор пишет в первую очередь о внешних факторах: о возвращающихся эмигрантах, об «активизации роялистской пропаганды в печати, которая велась через издания

и листовки — как присылаемые из-за рубежа, так и публикуемые внутри страны» (с. 103). Но при этом не упускается из виду внутренний фактор — «усталость населения от шести лет революции» (с. 194). Конечно, в такой формулировке речь идет в первую очередь об «антиреволюционных настроениях» безотносительно к конкретной форме и характеру правления. Об этом писали и раньше. Но автору удалось собрать очень интересные свидетельства, отражающие рост во Франции именно промонархических и роялистских настроений. По его мнению, даже термидорианцы проявляли определенную склонность к компромиссу, у них отсутствовала былая неприязнь в отношении королевской власти и того, что с ней связано (с. 126). Итак, умонастроения французского народа — безусловно, фактор роста роялистских настроений.

Что касается вопроса о сторонниках реставрации монархии при Термидоре и Директории, то попытки ответить на вопрос, «были ли среди депутатов роялисты?», дают пищу для размышления, но не сам ответ. Автор констатирует, что подозрения были (обвинения также), а прямых доказательств так и нет (с. 129, 130). Анализ косвенных признаков роялизма тех или иных конкретных лиц приводит автора все к той же констатации: «Анализ политических пристрастий членов Конвента не позволяет (по крайней мере, на нынешнем уровне освоения источников) дать ответ на вопрос, сколько же монархистов было в его стенах — треть, сотня или несколько десятков, не оказывавших существенного влияния на события» (с. 151–152). Но тогда остается только *верить* авторским заключениям: «сейчас можно сказать, что подозрения, высказанные в адрес некоторых названных выше членов Конвента, кажутся не лишними оснований»; «как мне видится, в стенах Конвента сторонников монархии было немало» (с. 132, 159).

Столь же неопределенным будет ответ на вопрос о планах членов Конвента на реставрацию монархии. Д.Ю. Бовыкин пишет: «Какие-то слухи о том, что депутаты могут захотеть восстановить королевскую власть, видимо, ходили и по Парижу. [...] Реальны ли были все эти планы? Едва мы когда-нибудь сможем это установить». Судя по заключительной фразе соответствующей главы, автор считает, что планы были: «Смерть Людовика XVII положила конец этим планам» (с. 159).

В работе немало ссылок на недоказуемость тех или иных гипотез, слухов, точек зрения из-за отсутствия точных и прямых свидетельств и достоверных документов. Конечно, мы должны учитывать всю сложность исследования контрреволюционного движения. Свидетельств самих роялистов

об их деятельности *внутри* Франции мало — ведь за подстрекательство к восстановлению королевской власти могло последовать весьма суровое наказание. Это всё равно что изучать подполье в период оккупации: все пароли, адреса явок и списки членов организации уничтожены подпольщиками при аресте, остались одни директивы из центра... Автор прав: «Компрометирующие документы старались не хранить» (с. 131). И опять согласимся: «Роялизм по-прежнему нередко оставался латентным, никаких четко оформленных группировок или партий не существовало, никто из политиков не высказывался за восстановление королевской власти открыто» (с. 135–136).

Изучая изменения политического расклада в связи со смертью Людовика XVII, Д.Ю. Бовыкин утверждает, что «смерть Людовика XVII взрывала весь сложившийся к тому времени политический расклад. Если она была обдуманым политическим ходом со стороны республиканцев [...], то ход этот представляется воистину очень удачным. Те силы внутри Франции, которые делали ставку на реставрацию мирным путем, мгновенно оказались дезориентированы» (с. 183). Естественно, необходима оговорка и автор ее сделает спустя несколько страниц: «дезорientация» коснулась далеко не всех монархистов, напротив, после того, как революционное правительство лишилось заложника, для роялистов «открылись новые перспективы» (с. 183). Здесь необходимо просто вспомнить, о чем говорилось в начале — о терминологической определенности. Д.Ю. Бовыкин прослеживает взаимоотношения «роялистов» и «конституционных монархистов», выявляет сходство и различия в их воззрениях и политических программах, анализирует процесс постепенного сближения между ними. Если роялисты согласны были только на Людовика XVIII, то некоторых монархистов (как активно участвовавших в революции, так и пытавшихся остаться в тени) удовлетворил бы и какой-нибудь другой король. Автор впервые попытался классифицировать этих возможных претендентов на французский престол «охарактеризовать те группировки, которые вокруг них складывались, оценить их планы и перспективы» (с. 176).

Новизна вывода Д.Ю. Бовыкина заключается в том, что в нем, в отличие от мэтров «классической» историографии Французской революции (А. Матьеза, Г. Рюде, Ж. Годшо и др.), делаются акценты не на идейных расхождениях между роялистами-абсолютистами-эмигрантами и конституционными монархистами, а существовавшее между ними

определенное «непрития на личном уровне». Более того, Д.Ю. Бовыкин утверждает, что «те, и другие чем дальше, тем больше демонстрировали стремление к примирению и единству». Этому сближению в первую очередь способствовала смерть Людовика XVII (с. 185, 187, 189).

Далее в книге проводится анализ различных этапов разработки программы роялистского движения и ее трансформации. Внимание акцентируется на «Веронской декларации» — самом крупном просчете Людовика XVIII. По вопросу о ее авторстве Д.Ю. Бовыкин на основе анализа документов и сопоставления точек зрения ученых подводит читателя к выводу о том, что декларация была составлена Людовиком XVIII без оглядки на мнения ультрароялистов или конституционных монархистов. «Текст ее явно адресован той основной массе населения страны, которая устала от постоянных пертурбаций, но мало что от них приобрела»; при этом отдельные разделы Декларации были «тщательно и глубоко продуманными», а в целом она являла собой «явный компромисс между старым и новым» (с. 206—208). Что касается эффекта декларации, то республиканцы не увидели в ней никакой угрозы и высмеивали ее, конституционные монархисты были разочарованы и критиковали ее, роялисты сочли Декларацию слишком пространной и мягкой, иностранные правительства отнеслись к ней прохладно, а англичане даже расстроились. Иными словами, «от уверенного в своих силах монарха подданные ожидали иного». С точки зрения самого автора, «Веронская декларация оказалась неудачной не потому, что якобы сулила возвращение к Старому порядку, а [...] потому что его (Людовика XVIII. — А.Г.) готовность к компромиссу оказалась намечена лишь пунктиром», но однозначно оценить эффект от нее «довольно сложно» (с. 229, 243, 251).

Вслед за декларацией французам последовали соответствующие послания и монархам других стран: необходимо было заручиться международной поддержкой для реального вступления на престол. В этой связи Д.Ю. Бовыкин декларирует необходимость анализа взаимоотношений Людовика XVIII и государей ведущих европейских держав. Автор поясняет, почему державы не торопились признавать новым королем Людовика XVIII и подчеркивает, что это Россия инициировала процесс признания (с. 244—281).

С другой стороны, Д.Ю. Бовыкин пишет, что роялисты не питали особых иллюзий относительно бескорыстной помощи европейских держав: мысли о расплате,

о территориальных или иных уступках Франции «создавали немалое напряжение в отношениях между роялистами и европейскими державами, но и подогревали нарождающийся французский национализм». Поэтому автор в определенной степени противоречит сам себе, утверждая, что признание воцарения законного монарха из династии Бурбонов «изначально казалось роялистам формальным актом, не представлявшим никакой проблемы». Так или иначе, с конца 1794 г. в политике роялистов наметился новый этап: «В планах короля начинается переориентация на иной сценарий восстановления королевской власти: не извне при некоторой поддержке изнутри страны, а изнутри при некоторой поддержке извне» (с. 287, 289, 290).

Но неудачи по организации антиреспубликанского восстания в восточных департаментах Франции (прежде всего разгром десанта на полуострове Киберон) привели к тому, что роялисты сменили тактику: в 1795 г. они приняли активное участие в выборах и голосовали за конституцию. При этом роялизм по-прежнему нередко оставался латентным, никаких четко оформленных группировок или партий не существовало, никто из политиков не высказывался за восстановление королевской власти открыто. Отдельное внимание в 10-й главе монографии уделено восстанию 13 вандемьера IV года Республики. Д.Ю. Бовыкин дает новую интерпретацию этих событий. Квалифицируемое по традиции как роялистское, это восстание не ставило никаких роялистских целей. Это депутаты Конвента обвинили членов парижских секций в роялизме. Вывод автора: «Документы недвусмысленно говорят о том, что если сторонники монархии и участвовали в восстании, то это не те роялисты, чью деятельность направляли из-за рубежа», окружение короля не имело никакого отношения к тому, что происходило в Париже. Д.Ю. Бовыкин, внимательно изучив самые разнообразные архивные документы, констатирует «отсутствие сколько-нибудь весомых доказательств роялистского характера мятежа» (347, 357—358, 360).

В 11-й главе Д.Ю. Бовыкин рассматривает, как происходило формирование ближайшего окружения Людовика XVIII, его двора и королевского Совета. Рассматривая деятельность роялистов после установления режима Директории, автор сосредотачивает внимание на той активности, что развил Людовик XVIII, непрерывно встречаясь с «министрами» и путешественниками, сановниками прежнего царствования и агентами, ведя переписку едва ли не со всеми европейскими державами и с десятками людей во Франции»

(с. 413). Возвращаясь к вопросу об изменениях (этапах) в планах и деятельности роялистов, Д.Ю. Бовыкин делает вывод о том, что в 1797 г. проекты, которые были связаны с победой над Республикой при помощи грубой силы, сменились новыми планами: использовать внутреннюю слабость режима и одержать победу на выборах (с. 457). О том же писалось и применительно к 1795 г. По мнению автора, 1797 г. не являлся поворотным годом для сближения роялистов и конституционных монархистов: Людовик XVIII всегда был готов к компромиссу с «монаршьянами» (с. 466–488). Оценивая переворот 18 фрюктидора и причины неудачи роялистов, Д.Ю. Бовыкин выделяет такие факторы, как «отсутствие определенности» в рядах монархистов, невозможность договориться с потенциальными союзниками из рядов республиканцев, отсутствие в самой Франции координирующего центра, отсутствие человека, способного принять ответственное решение и т.д. (с. 487–492). Переворот 18 фрюктидора в очередной раз заставил Людовика XVIII изменить планы. Теперь роялисты принялись искать французского «Монка».

Попутно Д.Ю. Бовыкин, по его собственному выражению, «уточняет» традиционную точку зрения на политику Директории как на «политику качелей». Монархисты и якобинцы для Директории не являлись равнозначными силами: монархисты были опасней. Но если вести речь о программе конкретных действий и шансах на захват власти, то, видимо, этот вопрос требует дополнительного изучения: у роялистов, как это признаёт автор, не было четкой программы конкретных действий (с. 491).

А вот идейный фундамент, безусловно, существовал. Его анализу и посвящена 15-я глава работы, которая соответствует в большей степени не хронологическому (как предыдущие главы), а проблемному принципу. Велика заслуга автора, который сумел проследить не только эволюцию политических, социальных и экономических взглядов роялистов, но и выявить во взглядах Людовика XVIII некие мировоззренческие константы. «Перед нами предстает не “непримиримый приверженец абсолютистского режима”, а умный и чуткий политик. Его идеалы во многом лежат в прошлом, однако Людовик XVIII «ничего не забыл и многому научился». Автор выходит на качественно новый уровень вопросов, имеющих теоретический характер: «В какой степени вся политическая имагология в XVIII веке была выстроена вокруг личности законного государя, а в какой — вокруг того места, которое он должен был занимать в своем королевстве?» (с. 670).

В целом исследование Д.Ю. Бовыкина, основанное на широком использовании архивных материалов, впервые вводимых автором в научный оборот, отличается новаторскими выводами, во многом корректирующими, а то и опровергающими традиционные представления о роялизме. Можно не сомневаться, что работа Д.Ю. Бовыкина будет востребована и воспринята как знаковая не только в отечественной, но и зарубежной историографии.

А.В. Гладышев,
доктор исторических наук, профессор
Саратовского национального
исследовательского университета

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ. М.: Этерна, 2016, 672 с.

Современная историческая наука невозможна без информации, которая сосредоточена в библиотечных собраниях. Их информационный потенциал, опыт решения эвристических задач, а также научно-организационные возможности, делают библиотеки одним из базовых элементов современного научного строительства. В условиях ускорения информационно-технического переустройства когнитивного пространства чрезвычайно важен обмен мнениями о путях совершенствования взаимодействия историков с библиотеками, что будет способствовать пониманию современных тенденций

и направлений развития передовой исторической науки. Данной проблематике посвящен масштабный научный проект «Роль музеев — библиотек — архивов в информационном обеспечении исторической науки», который реализуется с 2015 г. (автор проекта — историк, музевед, культуролог к.и.н. Е.А. Воронцова). Рецензируемый сборник знакомит читателей с одной из составных тем проекта — роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки (составитель Е.А. Воронцова; ответственные редакторы академик А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов; главный редактор